

АРМЯНСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

М. Д. АМИРХАНИЯ

Раскрывая национальный характер, отображая судьбы народа, условия труда и быта, народная лирика вбирает в себя многовековой жизненный опыт. Даже самое незначительное по содержанию народная песня способна указать на принадлежность ее определенному народу, выразить «дух» нации, «дух» языка. При всей самобытности народного творчества оно, однако, доступно другим народам в силу общности тем, охваченных в песнях, сказках, былинах, легендах, эпосе, доступно как истинное, ярко национальное и одновременно общечеловеческое; народная лирика «понятна всем и принадлежит всем»¹.

Армянское народное творчество необыкновенно богато, глубоко и самобытно. В нем отразилась воплощенная в мифических и эпических произведениях, песнях, сказках, поговорках и других жанрах народного творчества многовековая история Армении. Еще в V в. армянские историки в своих трудах использовали народное творчество. Известны, например, записанные Мовсесом Хоренаци в «Истории Армении» народные предания, так называемые гоxtанские песни, которые «старцы из потомков Арама поют все это на память во время представлений, в плясовых песнях в сопровождении бамбирна»². «Рождение Ваагна», «О царе Арташесе», «Гайк и Бэл», «Сказание об Араме», «Об Артавазде», «О Тигране и Аждахаке», «Об Ара Прекрасном и Шамирам» повествуют о подвигах и доблестях героев-защитников, кровавых событиях и их исходе. Творчество армянского народа интересовало Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бюзанда, Егише, Парпеци. До нас дошли записи народного творчества 1608 г. Основная масса народной лирики была записана в XIX в. и впоследствии с прибавлением вновь записанных издана отдельными сборниками.

В 1937 г. был издан первый сборник народных трудовых песен, составленный А. Т. Ганалаяном.³ В предисловии книги дан глубокий анализ народной трудовой песни. Внимательно изучены и сгруппированы разбросанные до того трудовые песни армянского народа. Это первая большая книга, в которой собраны и классифицированы песни, созданные в процессе труда, когда тяжелый, непосильный труд, «музыка» инструментов труда и все, сопровождающее труд, создавало песню: по закону «полезности», сопротивляемости все сливается в одно целое и превращает

¹ Ованес Туманян, Собр. соч., т. IV, Ереван, 1959, стр. 15.

² Цит. по кн. М. Мкрян, Мовсес Хоренаци, Ереван, 1969, стр. 105.

³ «Հայ շինականի աշխատանքի երգեր», Ереван, 1937.

процесс труда в творческий процесс—процесс мышления образами. Крестьянин поет, подбадривая себя и волов, он знает одно: «земля кормит человека», «труд — властелин мира» — и просит всех помочь ему в нелегком деле:

Վարի, դե վարի, եզ, քան, եզր.
Աստվածք կր տա մեր ցորենի
դեզր.

Հողո, հողո, հողավել...

Աստված կր տա մեր ցորենի

դեզր...

.

*Вол, кормилец мой, паши,
Труд нелегкий заверши.
Будем богу мы молиться,
Чтобы в завершение дел
Нам заскирдовать пшеницу,
Ороло-оровел!*

Թող անին, պտղին մեր
արտ-արտ.

Ազարբ հուսով ցորենին կարոտ՝
Ռհենյայ է աստված.

ողորմած տեր.

Սրբենք, դլավենք

կեռ մանգաղներ.

Հողո, հողո, հողավել...

Սրբենք, ոլլավենք

կեռ մանգաղներ⁴:

.

*Чтоб пшеницу
Зной и град не одолел,
Чтоб на жатве потрудиться,
Чтоб серпам звенеть, тупиться,
Ороло-оровел!*⁵

Социальные мотивы песен труда глубоки и последовательно выражены в песнях. Когда пахарь взрыхлил землю, он приступает к святой святым, сеет и молится, «чтоб хлеб уродился». Такова «Песня—молитва сеятеля»:

Անուծն ի աստծուն.
Դու ասա հաշողում.
Էս մե բուսն անցվորականի,
Էս մեզն էլ բոշուններին,
Էս էլ աղետներին.
Բուրն-բուրն.
Կերեք իմ ցանածից,
Կշտացեք,
Եվ իմ ցանածին.
Բարախար ասե՛ք:

*Господи, о боже,
Пусть хлеб уродится.
Горсть я дам прохожим,
Горсть другому — птицам,
Третью горсть — нищим,
Пусть будет им пищей.
Пусть прохожие живут,
Птицы божие — клюют,
Все, кто может, пусть берут.
Горя пусть вовек не знают.
Пусть посеянному мной
Этой раннею весной
Изобилья пожелают!*⁷

Красивы для пахаря волы, когда они помогают ему вспахать каменную почву, красивы соха и борозда, когда работается задорно.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ «Пропесня», Ереван, 1970, стр. 28 (перевод с армянского Н. Гребнева).

⁶ «Հայ շինականի աշխատանքի երգեր», стр. 100.

⁷ «Пропесня», стр. 21.

красив и вскормленный потом хлеб. Действительность создала песни о тяжелой доле, неволе, радостях и печалях крестьянина. Девушки-полольщицы устали «спины гнуть, не приседая в тень», их уже не радуют «красные и белые цветы», они устали; цветы, хоть они и красивы, не радуют их, им надо прополоть все поле:

... Կարսրք ու սպիտակ ծաղիկ,
Բամբակի սիրուն ծաղիկ,
Մեռա ֆաղհան անեյեն,
Իմ դարդին դարման շարիֆ⁸,

...Хлопок, хлопок — низкие кусты.
Красные и белые цветы.
Поля мы еще не пропололи—
От его устали красоты⁹.

Изнурительный труд не опособен сломить трудолюбия девушек, они подбадривают себя встречей с милым:

...Кончим мы прополку...
каждой встретится ее дружок.

Или в другой песне.

... Քախանում եմ կնջիրը,
Հաֆած եմ լավ խառ շիրք,
Իրենկ կտամ էն օրին,
Որ կրնգնեմ շարիս նիտը:

...Меж кустов кунжута я иду,
Пекло здесь не хуже, чем в аду,
Где же рай? — У милого в объятьях.
Я к нему в объятия упаду.

Ճիտս եմ գցել իմ վզնոցը,
Թող կարի սրտիս խոցը.
Իրենկ կտամ էն օրին,
Յարս մտնու իմ ծոցը...¹⁰:

Я сотру с лица соленый пот,
Боль, усталость — сразу все пройдет.
Я надену бусы и забуду
Про печаль, что сердце мне гнетет...¹¹

В народной песне выражается стремление к свободе, сопротивление гнету. Во многих песнях торжествует любовь, которая способна «развеять беду». Песни труда мелодичны, мелодию составляет припев. Так, в песне жатвы повторы

«Яр ле-ле-ле
хоп, ле-ле-, хоп» и «Ճյան, ле-ле, хоп,
ле-ле-хоп»

подбадривают жнецов. Кроме бодрости, в песне жатвы слышатся молитва труженика, вера в успешное завершение жатвы и «сытую» зиму:

Пот прольем, пожнем мы жито,
...чтоб зимою есть досыта.

⁸ «Հայ շինականի աշխատանքի կրթեր», стр. 153.

⁹ «Прапесня», стр. 43.

¹⁰ «Հայ շինականի աշխատանքի կրթեր», стр. 154.

¹¹ «Прапесня», стр. 44.

Образ жнеца, образ коллективного труда или и то, и другое, и нечто большее — образ быта, вписанный между строк пришева, легко и естественно создает картину образов. Описание процесса труда и орудий труда передается в песнях жернова, маслобойки, веретена, сбивалки, где воспроизводится весь процесс труда.

Հագրագն էկավ էս դադա,
 Մենք կար կրենք էս դադա,
 Մածուն մերենք էս դադա,
 Ծծում հարենք էս դադա,
 Կարաք կանենք էս դադա.
 Հոպպր-լելե,
 Հոպպր-լելե¹²:

*Аист прилетел издали — вот как!
 Мы в ведро надоим молока — вот как!
 Молоко заквасим и поставим — вот как!
 Сделаем мацун, мацун оставим — вот как!
 После будем бить мацун сбивалкой — вот как!
 Будто нам его совсем не жалко — вот как!
 Мы побьем, побьем его получше — вот как!
 Из мацуна масло мы получим — вот как!
 Гоп-леле
 Гоп-леле!¹³*

Повторы в трудовых песнях бодрящи. В них особая мелодия и ритм труда. Они «сгущают краски», делают стих более эмоциональным.

Армянские писатели, критики, публицисты, композиторы любили и прислушивались к содержанию и ритму, мелодии народных песен. В стихотворениях Ованеса Туманяна та же манера «петь», те же краски, та же форма стиха, и в этой близости — секрет очарования творчества Туманяна.

Вот его одно стихотворение, наглядно демонстрирующее эту близость.

*Плуг, забирай! Ну, ну, волю!
 Дотянем понемногу
 К полудню вон до той скалы,—
 Господь нам будь в подмогу!
 Дай силы, боже, их плечам!..
 Свернем-ка глыбу, ну же!..
 Ну, ну, волю!
 Дерите землю-матку!¹⁴*

(Пер. В. Иванова).

¹² «Հայ շինականի աշխատանքի կրթեր», стр. 196.

¹³ «Прапесня», стр. 62.

¹⁴ «Антология армянской поэзии», М., 1940, стр. 426.

В стихотворении К. Агаяна «Прялка», как и в народной песне прялки, описан процесс труда, обращения, повторы-просьбы:

*Прялка, ты вертись, вертись,
Белую кудель пряди,
Нитка толстая тянись:
Нужд немало впереди!*

Прялка, ты вертись, вертись,

Прялка, ты вертись, вертись¹⁵.

(Пер. В. Брюсова).

Это стихотворение по своему духу, форме и содержанию очень близко к народной песне.

У Иоаннеса Иоаннисяна стихотворение «Зерно» читается как народная песня:

*...Зерно, я земле дам тебя сохранить.
До жаркого лета, до солнечных дней.
С тобой свое горе я сею, зерно!
Но бог повелит, и ты встанешь опять.
Умрет под землей только горе одно,
А ты возвратишься меня утешать.*

*Чтоб туча над нивой дождем пролилась,
Чтоб милость пречистой светила хлебам...
Зерно, прорасти зеленой, а потом
Покрой наши нивы волной золотой¹⁶.*

(Пер. Е. Сырейшиковой).

В стихотворениях отдельных поэтов, как и в народных песнях, описан труд, картина природы, запах и шелест не только цветущей нивы, не только настроение и образ усталого сеятеля, но и запах хлебов.

В трудовых песнях народа, труду посвященных стихах поэтов выражено горе народное.

Трудовые песни армянского народа восхитительны. Удивляет и форма, и содержание. Недаром В. Брюсов писал: «Обладая обычными достоинствами народного творчества,—безыскусственностью, непосредственностью, меткостью эпитетов,— армянская песня поражает... особой изысканностью словесного выражения... порой едва веришь, что это не тонко обдуманное создание какого-нибудь позднейшего поэта, искусственного в стихотворной технике, пока не узнаешь, что все эти песни поныне поет народ...».

¹⁵ Там же, стр. 385.

¹⁶ Там же, стр. 409.

В. Брюсов призывал поэтов-переводчиков переводить армянскую народную поэзию сознательно точно: «Не довольно сохранить содержание, мысли, образы: при всей точности перевода может отлететь что-то невыразимое, составляющее основную прелесть народной песни».

Эти и другие высказывания Валерия Брюсова наиболее точно определяют характер народной армянской лирики.

В. Брюсов, создавая свои переводы, сожалел, что нет «всеобъемлющего собрания армянских народных песен». Его «Поэзия Армении», вышедшая в 1916 г., явилась первым крупным трудом на русском языке, а предисловие к книге впервые по-настоящему познакомило русского читателя с поэзией народа-певца. Книга делится на три раздела — песни народные, средневековые, новые.

При переводах народной лирики В. Брюсов пользовался «ергаран»-ами и «тахаран»-ами — песенниками, в которых содержалось далеко не все, и все же в книге В. Брюсова отразилось биение пульса народной армянской лирики. Верность духу армянской песни позволило В. Брюсову быть народным и в переводах народной лирики, и в переводах отдельных авторов средневековья и нового времени. К сожалению, В. Брюсов не мог перевести грудовых песен, они не были собраны. Зеркалом души трудового народа были именно трудовые песни, которые были «звучней, чем песнь соловья». Вся представленная в «Поэзии Армении» народная лирика — свидетельство глубокого уважения к народу-создателю, свидетельство любви к поэзии народа «второй Родины». И не буквальная точность, а точное соответствие духу, слову-образу вызывает восторг:

Երկնէր Երկին, Երկնէր Երկիր,
 Երկնէր և ծովն ծիրանի.
 Երգն է ծովուն ունէր
 և գլաւմրիկն Էղեգնիկ.
 Ընդ Էղեգան փող ծովս Էլանէր,
 Ընդ Էղեգան փող բոց Էլանէր.
 Եւ ի բոցոյն վազէր
 խաւտեաշ պատանեկիկ.
 Եւ հուր հեր ունէր,
 (Ապա թէ) բոց ունէր մորուս,
 Եւ աչկունքն էին աղեգակունք¹⁷:

*Небеса и Земля были в муках родин,
 Морей багрянец был в страданьи родин,
 Из воды возник алый тростник,
 Из горла его дым возник,
 Из горла его пламень возник,
 Из того огня младенец возник,
 И были его власы из огня,
 Была у него брада из огня,
 И, как солнце, был прекрасен лик¹⁸.*

(Пер. В. Брюсова).

Сравнение перевода с подлинником подтверждает сказанное выше. Брюсов-переводчик сливается с Брюсовым-поэтом. Он эмоционален, образен, старается воспроизвести все особенности подлинника от формы до слова. Не подделка под народную поэзию, а истинно народно звучат пе-

¹⁷ Ե. Խրեանցի, Պատմութիւն Հայոց, Քիֆիս, 1913, стр. 85—86.

¹⁸ «Поэзия Армении», М., 1916, стр. 95.

реведенные Брюсовым джан-гюлумы (веснянки), колыбельные, свадебные песни, религиозные заклинания, похоронные и военные песни.

Своеобразие армянской народной песни, ее дали, напевы, мужественность показательны и для народных русских песен, которым также чужды выдумка и ложь и которые также искренни в действительно пережитом.

Народную песню характеризует прямота и простота выражения. Картина жизни, быта, повседневные заботы, умение трудиться и отдыхать выражает народная песня.

В 1940 г. вышла новая «Антология армянской поэзии» под редакцией С. Арутюняна и В. Кирпотина. В этом сборнике народная поэзия представлена шире, чем в антологии 1916 г. В работу над переводами была вовлечена группа талантливых переводчиков (С. Шервинский, Н. Тихонов, В. Державин, А. Кочетков, В. Звягинцева), было также использовано большинство переводов В. Брюсова из его антологии 1916 г. Народная поэзия представлена многопланово: военные песни, социально-трудовые мотивы, песни хариба (странника), песни любви, плясовая песня, джан-гюлумы, свадебные, колыбельные, похоронные песни и заклинания, песни о природе и думки. Примечательно, что в «Антологии» отдельно представлены песни социально-трудовые и песни хариба, особенно близкие народу и отражающие как каждодневную жизнь труженика, так и исторические судьбы. Эти песни являются лучшим свидетельством тяжелой доли труженика.

Армянская народная песня отразила патриотизм народа, его историческую судьбу, бесстрашие и доблесть ее сынов, ритм труда, внутренний мир человека, жажду стремления к счастливой жизни.

Нежная в любви, грозная, воинствующая в бою песня эмоционально воздействовала на народ, отражала эстетические вкусы поколений. «Сквозь черные тучи, столько раз завлакивающие горизонт армянской истории, сквозь грозную и душную мглу, столько раз застилающую жизнь армянского народа, победно пробивались и сияют поныне огненные лучи его поэзии», — этими словами заканчивается историко-литературный очерк В. Брюсова к антологии 1916 г. «Огненные лучи» проникли и в переводы «Антологии» 1940 г.

Новые и дополнительно включенные песни любви, хариба и их социально-трудовые мотивы помогли раскрытию образа народа-поэта, помогли понять тоскующего по родине странника, возвышенность мечты вновь обрести родину и вновь в поте лица трудиться во имя светлого грядущего, во имя завтра.

Удивительно краток и образен язык социально-трудовых песен. Обыденность, отсутствие фантастических и символических образов придают им особую злободневность. Вот впервые прозвучавшая в русском переводе песня прялки:

...Пряди, крутись, колесо.
 Ты мой алмаз, колесо.
 Ты свет в тени, колесо,
 Ты нить тани, колесо.
 Ты бедным брат, колесо.
 Ты нищим клад, колесо.
 Ты мой ашуг, колесо,
 Мой верный друг, колесо.
 Крутись быстрее, колесо,
 Тоску развей, колесо!¹⁹

(Пер. А. Суркова).

У прядильщицы нет времени на выдумку, она просто разговаривает с колесом, просит колесо помочь ей, быстрее крутиться и развеять тоску.

Почти так же, без фантастических и символических отвлечений переведена А. Сурковым и «Песня гребня»:

Чеши, распуши начес, мой гребень,
 Нанай, най-нанай, друг, нанай

 Ты в черные дни со мной,

 Ты горести делишь со мной, мой гребень,

 Отрада ты мне в тоске тягучей,

 Исколоты пальцы мои, грубы,

 Раба я голодной своей судьбы,
 Друг, ах, нанай. най-нанай!²⁰

В этом переводе отражены многочисленные повседневные заботы, они даны не отдельно, без нарочитости входят в содержание как реальная почва их, повторения «нанай, най-нанай, друг нанай» ведут нас все ближе к судьбе человеческой, и «тоска тягучая» предстает уже нарядно «расчесанной», оформленной. Образ поющей, даже ее черты лица пробиваются сквозь песню, и уже невозможно оторваться от этой выразительной картины.

Правда песни воспринимается без особого труда и обретает почву, переживает века, доходит до новых счастливых поколений.

¹⁹ «Антология армянской поэзии», стр. 182.

²⁰ Там же, стр. 181.

Но тяжелый труд и «голодная судьба» не способны сломить труженника, тяжкая жизнь рождает протест против социального гнета. Так, в одной песне поется о богаче—властелине мира, который много присвоил и подчинил себе даже религию, законы. Повествование о нем кончается явным протестом, выражающим готовность одержать победу над ним:

...Сломав богачу хребет, мы вырвемся из острога.

(Пер. Л. Длугача).

Такие песни призывали к действию.

Исторические условия оказывали воздействие на социальные песни и тем не менее они во все времена оставались остро оптимистичными. Такой оптимизм нетрудно заметить и в песне полольщицы, где девушка поет, отвлекаясь от труда непосильного, о своем яре (любимом):

...Красивой девушке яр

Будь статным, красивым сам.

(Пер. А. Кочеткова).

Этот оптимизм и юмор делают картину многообразной, наделяют полольщицу особыми чертами, особой силой. Мудрые в бесправии и безответственном положении девушки верят в красоту завтрашнего счастья. Бесправие, угнетение — это не нечто неизбежное и вечное; придет освобождение, не станет угнетателей, «восхвалится солнечный свет», красивым девушкам подстать красивые яры:

Вновь будет свет в мире зажжен,

Весь бедный люд будет спасен,

Солнечный свет—будь восхвален!²¹

(Пер. А. Кочеткова).

поется в песне «Весна». Это и есть душа народа, в этой вере мужество народа, непокорность судьбе и истории.

Песня освещает жизнь народа, далеко, широко, лирическое настроение ее помогает угадать все наглядно и непосредственно. Повседневная забота, трудовая деятельность — реальная почва трудовой песни. Это заметно и в «Песне прялки», и в «Песне прядильщицы», и в других трудовых песнях. Пахарь интересуется своим плугом, мотыгой, бороздой, а поэтому в песне пахаря поется не столько о них, сколько им:

Չոր շան, ակու առ,

Ցել առ, ակու առ.

Ցամախ հագի կարոս՝

Քովաքի, դու վարդու...

Плуг-джан борозду взрезай,

Ты паши, ты взрезай!

Пожалей моих детей,

Хлеба им пообещай!

²¹ Там же, стр. 188.

Տենվի քուրր դառած,	<i>Горе горькое несем,</i>
Բալբս սոված-հաղած,	<i>Голод-холод рвется в дом,</i>
Ես էլ պարտուհիս բաղված,	<i>Задолжался я кругом,</i>
Քեզ ենք մենք ապավինված... ²²	<i>От тебя лишь света ждем...²³</i>

(Пер. А. Кочеткова).

Социально-трудовые мотивы песни, действительно пережитое — искренне просто, прямо выражаются в песне, в этом их бесподобность, их реализм, простота и чистота. Смысл окружающего включается в содержание песни, становится реальной почвой ее.

Читая трудовые народные песни, вникая в их содержание, становятся понятными судьба и даже история народа.

В песнях хариба (странника) ярко отображена горькая доля бездомного, скитающегося далеко за пределами родины. Чужая сторона, разлука рождает в армянине любовь к родине, и потому в песнях существование на чужбине хариб сравнивает со смертью. В этом отношении особенно величественна песня «Крунк» («Журавль»). Хариб просит птицу крунк полететь на родину и принести ему вести «из стран родных».

*Крунк! Из стран родных нет ли хоть вестей?
Боже! пожалей, кто живет изгнан!
Грудь хариба—скорбь, сердце — полно ран,
Хлеб, что ест он,—желч, ключ, что пьет—поган...
Праздников мне нет, будни — день за днем!
Вертелом прочтен, я сожжен огнем.
Но не пламя жжет: память о былом!..
Я пишу в письме, что мой свет пэгас,
Что ни в ночь, ни днем не открыл мне глаз,
Что я здесь томлюсь, милые, по вас!..²⁴*

(Пер. В. Брюсова).

Всем чужой, без родины хариб подобен персиковому дереву, который рос на родине, но однажды его «выкопали, унесли, посадили в сад чужой земли». И хотя там поливали сладкой водой, дерево завяло. «Снеговая вода» родины лучше для дерева, на чужбине же все горько—«весь мир в лучах весны, сердце полно мук».

Язык подобных песен необыкновенно насыщен, глубок, беспределен, мелодия песни подчиняется эмоциональному содержанию, чувству любви к родине.

Жизненная правда социально-трудовых песен и песен хариба дала им право на возрождение:

²² «Հայ շինականի աշխատանքի երգեր», стр. 63.

²³ «Антология армянской поэзии», стр. 186.

²⁴ Там же, стр. 190.

«...В них — правда о горькой судьбе, в них — слезы, смешанные с кровью».

И подобно летящему крунку, народная песня, поющая «об армянском горе», «об армянской доле», летит из века в век, живет, как и все прекрасные творения мирового искусства.

В «Антологии» 1940 г. помещено и много новых песен — колыбельные, любовные, похоронные в переводе А. Кочеткова, Е. Куниной, В. Звягинцевой, В. Инбер, А. Глобы.

В 1970 г. издательство «Айастан» выпустило новую книгу переводов из армянской народной поэзии. Сборник «Прапесня» (переводы Н. Гребнева) ценен прежде всего тем, что в него вошли песни, впервые переведенные на русский язык. Хорошую оценку песен дает в предисловии к сборнику Л. Арутюнов: «Песня — это правда», «песня... выражение национального характера..., песня... голос общенационального гения», «народ ее действительный творец», «...такие поэты, как Кучак, Саят-Нова, Туманян, Исаакян..., выросли на народной почве». Выдержки из предисловия дают правильную оценку народной песне.

В сборнике много переводов звучат как самостоятельные стихи:

*Боже, боже, пщади,
От невзгод нас огради,
Прояви к нам жалость,
Чтоб скорее позади*

*Пахота осталась!
Хоо!
Милые мои волы...²⁵*

Наряду со многими удавшимися, переводы Н. Гребнева, если рассматривать их вне связи с оригиналом, выглядят как самостоятельные, ценные в поэтическом смысле стихотворения. Однако когда сравниваем перевод с оригиналом, мы убеждаемся, что этот перевод не очень напоминает содержание оригинала, хотя он и звучит неплохо.

*... Կալեցանք զիլազ ի.
Ինգած տեղը մուրազ ի.
Բեչան քալին եմ մատաղ,
Զոռ առ յեկ, յեկ, յեկ, յեկ, յեկ:
Ինուզ տար սելը չը սոսես,
Խոնցո, սոնոքը չը առնես.
Քորք քալին դուրքան եմ,
Քաշի յեկ, յեկ, յեկ, յեկ, յեկ²⁶:*

*...Воз высок, чуть поворот—
Не усмотришь — упадет.
Круто не бери. рогатый,
Будь ловчее, будь умней.
Не ленись, прошу, как брата,
Торопись, хей, хей!²⁷*

Известно, что переводчик должен глубоко понять, прочувствовать оригинал, но не писать новое стихотворение на эту тему. В этом смысле многим переводам Н. Гребнева остается желать лучшего.

²⁵ «Прапесня», стр. 37.

²⁶ «Հայ շինականի աշխատանքի երգեր», стр. 122.

²⁷ «Прапесня», стр. 39.

Սանդերես սազ եմ առեմ, Բուրք բեր գգեմ, բուրք բեր գգեմ.	<i>Гребень привели в порядок. Шерсть несите, расчесу, шерсть несите, расчесу.</i>
Էնց զինաս նա՞զ եմ առեմ, Շուտ բեր գգեմ, շուտ բեր գգեմ:	<i>Вам меня просить не надо. Шерсть несите, расчесу, шерсть несите, расчесу.</i>
Զրխ-խուխ, չոխ-խուխ, Շուտ բեր գգեմ, շրխ խու, բիր... ²⁸ :	<i>Шерсть шершавая шуршит, Предо мною пыль кружит²⁹.</i>

Сам факт перевода народной трудовой песни Н. Гребневым заслуживает высокой оценки. Вместе с тем заслуживают упрека добавления, и выдумка в переводах Н. Гребнева. Дописывать за народ, конечно, трудно. Народ выразил все, что хотел, и скупость слов народных песен не есть скупость выражения мысли. Допускать вольности в народных песнях — значит претендовать на «соавторство». Конечно, нужна близость и точность к подлинным песням, но точность «по весо-мости».

Таким образом, стремясь раскрыть характер армянской народной песни, мы видим, что зародившись в глубокой древности, она на протяжении веков отображала быт и труд человека, подавленного чужеземцами, с одной стороны, и изнурительным трудом, с другой. Богатство, глубина и самобытность народного творчества отразились в песнях, сказках, поговорках, в художественном обобщении жизненных событий. Главной темой рассматриваемой нами народной песни оставался труд, и поэту понятно, что ей суждено было жить в веках.

Уже первый сборник народных трудовых песен (1937 г.) позволял дать им некоторую характеристику ее зарождению и воздействию на человека, дать оценку тем переводам на русский язык, которые осуществлялись в разное время тем или другим переводчиком. Первым в этом ряду остаются переводы из народной песни, выполненные В. Брюсовым и опубликованные им в 1916 г., поскольку В. Брюсов был сторонником «воссоздающего, воспроизводящего» метода в переводах. «Нашей конечной, идеальной целью,— писал В. Брюсов, характеризуя этот метод,— было получить на русском языке точное воспроизведение оригинала в такой мере, чтобы читатель мог доверять переводам и был уверен, что по ним он знакомится с созданиями армянских поэтов, а не русских переводчиков... верно передать содержание оригинала... воспроизводить все характерные отличия его формы..., сохранить все образы подлинника и избегать всяких произвольных добавлений».

Переводами из армянской народной песни занимались С. Шервинский, Н. Тихонов, В. Державин, А. Кочетков, В. Звягинцева, А. Сурков и др. Их переводы вместе с переводами В. Брюсова были помещены в «Антологию армянской поэзии» (1940). В динамике русских переводов

²⁸ «Զալ շրիշիւիւր աշխատանքի կրգեր», стр. 210

²⁹ «Прапесня», стр. 46.

из армянской народной поэзии издание этой «Антологии» явилось новой ступенью в укреплении армяно-русских литературных связей, дало возможность характеризовать отдельные русские переводы в их сопоставлении с оригиналом, выявить их достоинства и недостатки.

Однако лишь издание армянских народных песен в переводах Н. Гребнева явилось новым шагом в ознакомлении русского читателя с древними творениями нашего народа. И хотя сам факт издания переводов трудно переоценить, все же недостатки новых переводов очевидны, особенно при сопоставлении с оригиналом. «...При всей своей страстности армянская песня целомудренна; при всей своей пламенности — сдержанна в выражениях. Это — поэзия, по-восточному цветистая, по-западному мудрая, знающая скорбь без отчаяния, страсть без иступления, восторг, чуждый безудержности...». В поисках критерия оценки переводческой деятельности современных нам поэтов мы не можем не учитывать это справедливое мнение В. Брюсова.

ՀԱՅ ԺՈՂՈՎՐԴԱԿԱՆ ԵՐԳԵՐԻ ՌՈՒՍԵՐԵՆ ՔԱՐԳՄԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

Մ. Գ. ԱՄԻՐԵԱՆՅԱՆ

(Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ)

Հայ ժողովրդական աշխատանքային երգերը դարերի ընթացքում արտացոլել են հայ շինականի աշխատանքն ու կենցաղը:

Հողվածում հիշատակված են հայ ժողովրդական երգերի ոուսերեն թարգմանությունները՝ սկսած Վ. Բրյուսովից մինչև մեր օրերը: Այստեղ հնարավորին շափ կատարված է նաև երգերի հայերեն տեքստի և ոուսերեն թարգմանության համեմատությունը, ցույց են տրված թարգմանությունների արժանիքները և նկատված թերությունները: